

ЕГИПЕТСКАЯ РЕЛИГИЯ ¹⁾.

4.

Египетъ былъ не только страной религіозною, но и страной богословствующею. Съ древнѣйшихъ временъ здѣсь не только почитали боговъ, но и стремились дать систематическое ученіе о богахъ. Не трудно выяснитъ тѣ начала, изъ которыхъ исходила мысль древняго египтянина при истолкованіи основоположеній религіи, но невозможно было, руководясь этими началами и наличными религіозными сказаніями, создать стройную систему религіи. Египетскіе жрецы въ своихъ богословскихъ изысканіяхъ исходили изъ идеи единства существующаго и изъ факта пестроты и противорѣчивости явленій, которыя отражались во множествѣ противорѣчивыхъ мѣвовъ. Вотъ та схема, въ которой уже съ древнѣйшихъ временъ египетскіе жрецы представляли теогонію. Въ началѣ былъ Ну—первоначальный океанъ, въ безконечныхъ глубинахъ котораго плавали смѣшанныя смѣна вещей. Отъ вѣчности Богъ родился самъ въ лонѣ этой жидкой массы безъ формы и безъ образа. Этотъ богъ опредѣляется такъ. Одинъ, единственный тотъ, который существуетъ сущностью, тотъ который живетъ сущностью, единственный все производящій на небѣ и на землѣ, который не рожденъ.... Онъ есть единый живой Богъ по истинѣ, тотъ, который рождается самъ, тотъ, который существуетъ отъ начала, который все сотворилъ и не сотворенъ. Этотъ Богъ былъ бытіемъ единымъ совершеннымъ, обладающимъ всевѣднѣемъ и

¹⁾ Продолженіе. См. Богосл. Вѣстникъ. Январь стр. 23—45.

премудростью. Всегда равный, всегда неподвижный въ своемъ неподвижномъ совершенствѣ, всегда сущій, какъ въ прошедшемъ, такъ и въ будущемъ, онъ наполняетъ вселенную, но мѣръ не можетъ дать о немъ даже и слабого понятія. Его ощущаютъ вездѣ, но его нельзя объять. Единный по существу, онъ имѣетъ не одно лицо. Онъ есть отецъ, и могущество его природы таково, что онъ вѣчно рождаетъ, не ослабѣвая и не истощаясь. Ему нѣтъ нужды выходить изъ самого себя, чтобы стать плодоноснымъ. Онъ въ собственной сущности находитъ матеріалъ для постоянныхъ произрожденій. Одинъ полнотою своего бытія онъ зачинаетъ свой плодъ, и такъ какъ въ немъ зачатіе не можетъ быть отлнчаемо отъ рожденія, то онъ отъ вѣчности производитъ въ себѣ самомъ другого самого себя. Онъ заключаетъ въ себѣ отца, мать и сына Божія. Произведенный отъ Бога, рожденный Богомъ, не отдѣляясь отъ Бога, эти три лица, суть боги въ богѣ и, не раздѣляя единства божественной природы, они всѣ три заключаются въ его безконечномъ совершенствѣ. Этотъ тройной богъ имѣетъ всѣ божественныя атрибуты—неизмѣримость, вѣчность, свободу, всемогущую волю, безпредѣльную благодать. Онъ отъ вѣчности развиваетъ свои высшія качества, или, выражаясь языкомъ древнихъ египетскихъ богослововъ, „онъ творитъ свои собственные члены, которые суть боги“. Отъ этого тройнаго бога происходятъ новые, низшіе и низшіе боги, они образуютъ безчисленное количество представляющее рядъ почти нечувствительно нисходящій отъ высшихъ ступеней къ низшимъ. Неоплатоническая философія дала свои комментаріи египетской религіи, но едва ли можно сомнѣваться, что воззрѣнія жрецовъ въ существенномъ не расходились съ этими комментаріями „Богъ, говорится въ *de mysteriis* приписываемомъ Ямвлиху, когда онъ производитъ и открываетъ свѣту скрытую силу спрятанныхъ вещей, называется Амономъ. Когда онъ является духомъ заключающимъ въ себѣ всѣ различія, онъ называется Имготень. Когда онъ наполняетъ все существующее силою и истиною—Ита. Когда онъ является богомъ добрымъ и благимъ, онъ есть Озирисъ“. Приведенная нами теогоническая и вмѣстѣ космогоническая схема принималась во всемъ Египтѣ. Но различіе было въ томъ, что въ различныхъ областяхъ единственный Богъ

оказывался различнымъ. Въ Гелиополисѣ это былъ Тумъ или Атумъ, въ Абидосѣ-Озирисъ, въ Фивахъ-Амонъ въ Манъ-Нофри-Пта. Только бога своего нома египтянинъ называлъ „нутерь“ божество (происхождение слова неизвѣстно), но онъ не игнорировалъ и не отрицалъ и другихъ боговъ, онъ даже принималъ ихъ въ свои храмы, только ставилъ ихъ ниже своего бога.

Однако неоплатоническая концепція, утверждающая тожество различныхъ боговъ, не могла быть чуждою размышляющему жрецу. Главное божество связывалось у египтянъ преимущественно съ солнцемъ, склонность къ дробленію явленій создало множество солнечныхъ божествъ: солнце ночное (Тумъ, Озирисъ), солнце при восходѣ и заходѣ (Горъ двухъ горизонтовъ), солнце, на меридіанѣ (Ра, Горъ, Анхуръ), солнце рождающее и производящее (Кофри), но стремленіе мысли къ объединенію и обобщенію утверждало, что все это одно и тоже. И вотъ, египтяне, какъ мы видѣли, сливаютъ свои божества, все равно какъ сливаются въ одно отдѣльные моменты существованія. Рядомъ съ этимъ сліяніемъ въ египетской религіи стоитъ объединеніе божествъ, которое соединяетъ боговъ генеалогическою связью и вмѣстѣ съ тѣмъ подсказываетъ метафизическую мысль объ ихъ тожествѣ. Въ приведенной схемѣ единое божество дробится на отца, мать и сына. Эта группировка въ триады, гдѣ съ одной стороны выступаетъ челоуѣкообразное представление божества, какъ главы семьи, и съ другой метафизическая мысль о тожествѣ различныхъ божественныхъ проявленій, была общей всему Египту, но какъ въ каждомъ номѣ былъ свой главный богъ, такъ въ каждомъ номѣ была своя божественная триада. Триады боговъ поставлялись въ генетическую связь между собою, какъ послѣдовательныя эманации, причемъ положеніе той или другой триады въ этой системѣ стояло въ прямомъ пропорціональномъ отношеніи съ политической и административною важною города, который ее почиталъ. Исключеніе представляли лишь тѣ города, которые, утративъ политическое значеніе, не потеряли своего религіознаго авторитета. Въ Фивахъ высшую триаду представляли Амонъ-Ра, Мутъ и Консу. Женское божество въ триадѣ представляетъ собою пассивное начало. Диодоръ Сицилійскій говоритъ, что по мнѣнію египтянъ

отецъ есть единственный создатель дитяти, мать же даетъ ему только пищу и обитаніе. Такая же роль женскому принципу отводится повидимому и въ теогоніи. Нужно замѣтить, что въ нѣкоторыхъ округахъ высшими божествами были не боги, а богини (Гаторъ въ Дендерахъ. Нейтъ—въ Саисѣ, Нехабъ—въ Элькабѣ), но въ теоретическихъ системахъ женскимъ божествамъ всегда, отводилась очень скромная роль. Сынъ былъ тождественнымъ съ отцемъ (отсюда формула о сынѣ: супругъ своей матери), но мать являлась только безсодержательнымъ связующимъ звеномъ между отцемъ и сыномъ. Мемфисская триада состояла изъ Пта, Секхетъ и Ра. Въ Гермонтисѣ триаду составляли Монть, его жена-богиня Ратауль и Гор-на-ра (Горъ солнца) Въ нѣкоторыхъ группахъ триады представляли собою не семью, а три мужескихъ элемента, таковы Ра, Пта и Аписъ или Амонъ-Ра. Ра и Севекъ. Тройственные божества соединялись въ новыя триады и образовывали эннеады (пауть-нутерь), послѣднія въ свою очередь удваивались и утраивались такъ, что уже въ глубокой древности встрѣчаются такія сложныя божества, которыя состоятъ изъ двадцати семи отдѣльныхъ боговъ, дѣйствовавшихъ въ дѣлѣ творенія и управленія міромъ, какъ одно лицо. Иногда эннеады получались инымъ путемъ. Такъ въ Гелиополисѣ ставили во главѣ Атумъ-Ра, къ нему присоединяли Шу, Себа, Озириса и Сета съ ихъ женскими половинами и получали эннеаду. Здѣсь эннеада образовывалась не изъ триады. Затѣмъ въ Гелиополисѣ признавали еще существованіе двухъ второстепенныхъ эннеадъ, во главѣ одной стоялъ Ра, соединявшаяся съ нимъ огдоада плохо извѣстна, во главѣ другой стоялъ Анубисъ, къ которому присоединялись четыре похоронные генія—сыновья Гора съ ихъ женскими половинами. Въ Гермаполисѣ во главѣ эннеады поставлялся Тотъ, своимъ голосомъ создавшій четырехъ боговъ, которые потомъ удваивались. Эта эннеада изображалась въ видѣ восьми обезьянъ (бабуиновъ) у которыхъ предѣлательствовала девятая обезьяна (высшій бабуинъ). Иногда эннеады получались искусственно. На рисункахъ на однихъ тронахъ сажали по одному, на другихъ по два различныхъ бога, но въ счетъ эти два шли за одного, понятно, что въ такой эннеадѣ можетъ заключаться отъ девяти до восемнадцати боговъ.

Представленія происхожденія міра отъ боговъ были двойственны. По однимъ одинъ какой-либо производилъ все существующее. Хдумъ производилъ все изъ созданнаго имъ яйца. Пта устраивалъ міръ, какъ создаютъ художники свои созданія, Тотъ создалъ міръ словомъ, но жреческая мысль требовавшая системы сводила теогонію, космогонію и даже исторію въ одинъ процессъ эманации. Изъ Нуна выходитъ Тумъ, изъ него Шу и Тефнетъ, изъ нихъ Себъ и Нутъ, отъ этихъ Озирисъ, Изиды, Сетъ и Нефтисъ. Тумъ тоже, что и Ра, — творецъ міра, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и первый владыка Египта. Онъ долго правилъ Нильской долиной. Его провела Изиды. Затѣмъ люди стали нечестивыми и начали возмущаться противъ него. Онъ наказалъ истребленіемъ провинившихся людей. Ихъ кровь смягчила его гнѣвъ, и онъ поклялся впередъ щадить родъ человѣческій. Но онъ не остался на землѣ. Утомленный и устарѣвшій онъ удалился на небо (эта повѣсть носитъ имя египетскаго сказанія о потопѣ, она прочитана Эдуардомъ Навилемъ на гробницѣ Сети I), передавъ надъ землею власть Шу. Такъ людьми правили поколѣнія боговъ. Послѣ смерти Озириса и потомъ борьбы Гора съ Сетомъ произошло раздѣленіе Египта, затѣмъ царствовать Тотъ, а потомъ уже начинается человѣческая династія царей съ Менеса.

Египетскіе жрецы въ своихъ толкованіяхъ и въ своей исторіи боговъ и міра не могли согласить противорѣчивыхъ элементовъ египетской религіи. Усилія современныхъ ученыхъ направляются не на то, чтобы представить египетскую религію въ видѣ стройной системы, а на то, чтобы понять ея происхожденіе и смыслъ. Существуютъ серьезныя разногласія по вопросу объ этомъ пониманіи, но кажется, что нѣкоторыя изъ существующихъ точекъ зрѣнія на египетскую религію отживаютъ свой вѣкъ, на оборотъ нѣкоторыя предположенія находятъ для себя съ каждымъ днемъ все новыя подтвержденія. Важнѣйшіе изъ существующихъ взглядовъ можно подраздѣлить на шесть типовъ: 1) монотеистическое истолкованіе египетской религіи, 2) натуралистическое, 3) эвгемеристическое, 4) шеллингянское, 5) деброевское (фетишистическое), 6) истолкованіе изъ различныхъ началъ. Доселѣ имѣются изслѣдователи считающіе египетскую религію въ существѣ монотеистическою (Шэрэ-хранитель

египетскихъ древностей въ музеяхъ Лувра, Ленорманъ). Согласно ихъ воззрѣнiямъ, египтяне, умножая по произволу имена и формы Бога, не умножали Бога. „Различные боги, являющіеся на монументахъ, полагаютъ они, суть только символы. Самая ихъ форма показываетъ, что они не представляютъ собою реальныхъ существъ. Богъ, представляемый съ птичьей головою или головою четвероногаго или же съ человѣческой головою, называемый сфинксомъ, никогда не могъ быть реальнымъ существомъ. Все это только іероглифизмъ. Различныя лица Божественнаго пантеона представляютъ божественныя роли, функціи высшаго бога, бога единаго и скрытаго, который скрываетъ подъ каждою изъ своихъ формъ свое тожество и полноту своихъ атрибутовъ“. Само собою понятно, что такой глубокой символизмъ не могъ быть доступенъ не только пониманію простаго народа, но и всѣхъ тѣхъ, которые не погружались спеціально въ богословскія спекуляціи. Поэтому самимъ защитникамъ монотеистической теоріи приходится говорить о существованіи въ Египтѣ эсotericической религіи, о монотеизмѣ, какъ вѣрѣ жрецовъ. Но всѣ эти предположенія ничѣмъ не подтверждаются и имѣютъ очень много противъ себя. Если монотеизмъ можетъ допускать символическое олицетвореніе отдѣльныхъ атрибутовъ и силъ божества, то во всякомъ случаѣ онъ не можетъ мыслить противоборство этихъ атрибутовъ и силъ. Борьба Озириса, Сета и Гора, какъ можетъ быть понята при предположеніи, что они всѣ—одно. Скажутъ, что Горъ-солнце живящее и согрѣвающее, а Сеть-солнце изсушающее. Что одинъ и тотъ же предметъ можетъ производить добро и зло, это—такъ, но божество съ монотеистической точки зрѣнiя можетъ быть только благимъ и производить бѣдствiя лишь въ наказаніе за грѣхи или съ воспитательными цѣлями. Какъ понять исторію истребленія людей богомъ Ра, гдѣ боги дѣйствуютъ не вполне солидарно съ монотеистической точки зрѣнiя. Если бы даже у египтянъ былъ монотеизмъ, то при такомъ символизмѣ и аллегоризмѣ, въ которые онъ оказывается заключеннымъ, онъ у древняго человѣка съ богатымъ воображеніемъ и съ нерегулируемой строгой логикой мышленіемъ непременно долженъ былъ бы разрѣшиться въ политеизмъ. Нѣкоторые говорятъ, что у египтянъ былъ географическій монотеизмъ.

Каждый номъ почиталъ своего бога, какъ единственнаго. Но если не было монотеизма во всемъ Египтѣ, то понятно, что его не могло быть и въ частяхъ, изъ которыхъ онъ былъ составленъ. Пытались върованія египтянъ характеризовать словомъ генотеизмъ. Терминъ этотъ введенъ въ науку М. Мюллеромъ. Онъ разумѣлъ подъ нимъ поклоненіе первобытнаго человѣка безконечному подъ различными формами, но какъ единому безконечному. Индусы, египтяне, ассирио-вавилоняне, говорилъ онъ, къ какому бы богу не обращались, обращаются къ нему такъ, какъ будто-бы онъ былъ единственнымъ верховнымъ. Но этотъ терминъ должно быть уметь вмѣстѣ съ сошедшимъ въ могилу санскритологомъ. Этотъ генотеизмъ если онъ дѣйствительно есть, то онъ или монотеизмъ или пантеизмъ. Но его никакъ нельзя назвать монотеизмомъ, потому, что у тѣхъ древнихъ народовъ, въ которыхъ М. Мюллеръ хочетъ видѣть генотеистовъ, съ безспорною ясностью выступаетъ сознаніе, что надо угождать *различнымъ* богамъ, и что угодить Озирису вовсе еще не значить угодить Гапи. Монотеистическія выраженія гимновъ могутъ, вѣдь, быть гиперболами. Могутъ они служить отзвукомъ и пантеистической тенденціи точно также, какъ эта тенденція смѣшивала и сливала боговъ. Эта пантеистическая тенденція безспорно есть въ египетской религіи, но ею не могутъ быть объяснены тѣ конкретныя формы, въ которыхъ предъ нами является эта религія.—Другое толкованіе египетской религіи натуралистическое. Говорятъ, что объясненіе характера и свойствъ всѣхъ боговъ и всѣхъ мифовъ должно искать въ явленіяхъ на небѣ и на землѣ. Къ этой точки зрѣнія въ нѣкоторой мѣрѣ примыкаетъ и Масперо своею классификаціею египетскихъ божествъ. Онъ раздѣляетъ ихъ на три группы: боги мертвыхъ—Сокари, Озирисъ. Изнда, можетъ быть Горъ младшій, Анубисъ, Нефтисъ; Боги стихій—Себъ, Нуть, Ну, Гапи и вѣроятно Сеть-Тифонъ, Пта и др., боги солнца—Ра, Шу, Амонъ и т. д. Масперо не держится строго натуралистической теоріи, но для нѣкоторыхъ все то, что говорится о богахъ стихій, есть только олицетвореніе метеорологическихъ явленій, и все, что говорится о богахъ солнца, есть персонификація движеній солнца и его вліянія на земную жизнь. Натуралистическая теорія широко примѣняется къ арійскимъ религіямъ, находятъ воз-

возможнымъ истолковывать изъ нея и религію Египта. Но въ примѣненіи къ послѣдней она совершенно несостоятельна. Классификацію Масперо расширяютъ: кромѣ божествъ стихій, божествъ астральныхъ выдѣляютъ еще въ особую группу божества Нильскія. Но все это раздѣленіе совершенно не соответствуетъ египетской теологіи: Озирисъ есть ночное солнце, божество Нила, богъ мертвыхъ. Затѣмъ изъ египетскихъ текстовъ ясно видно, что египтяне въ астральныхъ и стихійныхъ явленіяхъ любили находить символы и подобія человѣческой жизни. Луна для нихъ образъ человѣческой жизни. Несомнѣнно у нихъ былъ анимизмъ—за небесными явленіями они предполагали существованіе духовныхъ причинъ, но это не можетъ быть названо олицетвореніемъ физическихъ явленій; это—индуктивныя заключенія отъ явленія къ его духовной причинѣ. Луна затмилась. Неурочный мракъ есть знаменіе бѣдствія. Египтянинъ представлялъ, что есть какая то темная, злая сила, которая стремится наполнить міръ мракомъ и несчастіемъ. Затмѣніе есть признакъ, что эта сила начала побѣждать. Многократный опытъ, которымъ констатировалась кратковременность затмѣній, привелъ къ заключенію, что побѣда зла всегда вызываетъ упорную оппозицію со стороны добра и что въ концѣ концовъ торжествуетъ послѣднее. Затѣмъ злые и добрые образы были реализированы въ чудовищахъ мрака и духахъ свѣта. Но это вовсе не астрономія и не метеорологія въ мифологическихъ образахъ, напротивъ, метеорологическія и астрономическія явленія здѣсь призываются на помощь для выясненія метафизическихъ и этическихъ истинъ. — Пытаются египетскую религію истолковать эвгемеристически. Почитаніе умершихъ людей создало египетскихъ боговъ. Амелино полагаетъ, что онъ этотъ тезисъ доказалъ фактически. Онъ утверждаетъ, что онъ нашелъ въ Египтѣ гробъ Озириса. Длина гроба 13, 30 м. (около 7¹/₂ сажень) и ширина 11, 80 м. (около 5¹/₂ сажень) Амелино думаетъ, что нашелъ гробы и Гора и Сета. Исторія царствованія второй божественной династіи, къ которой принадлежитъ Озирисъ, погибшій 28 лѣтъ, для Амелино превращается въ дѣйствительную человѣческую исторію, только освѣщенную фантастическимъ свѣтомъ въ представленіи древнихъ египтянъ. Но въ дѣйствительности фантастично открытіе Амелино.

Несомненно ясно, что онъ нашелъ гробъ или часовню Озириса? Затѣмъ гробницъ Озириса повидимому было много въ различныхъ номахъ Египта. Масперо полагаетъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ смѣшеніемъ какого-нибудь царя первой, второй или третьей династіи съ Озирисомъ. Культъ Озириса очень древень, и если бы онъ былъ дѣйствительно царемъ Абидосскимъ, и его могила съ историческими надписями была на глазахъ у жителей Абидоса, тогда-хотя бы его и обожествили—его, конечно, тамъ менѣе всего и во всякомъ случаѣ медленнѣе всего могли отождествить съ Ниломъ или солнцемъ. Да и обожествленіе людей, вообще говоря—чего не отрицаетъ и Амелино, можетъ существовать только при наличности боговъ. Люди могутъ присоединять къ богамъ, но никогда бы изъ людей не создали боговъ, если бы ранѣе не мыслили существованія послѣднихъ. Эвгемеристическій элементъ есть въ египетской религіи, но онъ ясенъ и не замаскированъ, попытка же Амелино изъ эвгемеристическихъ началъ вывести культъ Озириса, можно съ увѣренностію сказать, не встрѣтитъ себѣ сочувствія у египтологовъ.—Есть изслѣдователи, пытающіеся истолковать египетскую религію изъ принциповъ, которые позволительно назвать шеллингианскими. Шеллингъ полагалъ, что въ теогоніяхъ и мифахъ отражается исторія смѣны культовъ и порою смѣны народовъ. Въ Россіи эти принципы приложилъ Леонтьевъ къ изслѣдованію греческой религіи. Въ настоящее время Либлейнъ прилагаетъ ихъ къ религіи Египта. Особенно подробно онъ развилъ приложеніе ихъ къ мифу объ Озирисѣ и Сетѣ. Либлейнъ безусловно отрицаетъ натуралистическій характеръ этого мифа. Онъ полагаетъ, что въ этомъ мифѣ противопологаются туземные египетскіе боги Озирисъ и Горъ и семитическій богъ—Сетъ. Ихъ борьба есть борьба египтянъ и семитовъ. Либлейнъ представляетъ дѣло слѣдующимъ образомъ. Менесъ первый изъ египетскихъ царей попытался соединить Египетъ. Онъ двинулся съ юга на сѣверъ. Его главнымъ божествомъ былъ Озирисъ (Фивы-Абидосъ), на пути къ сѣверу его культъ пришелъ въ соприкосновеніе съ культомъ бога Гора въ Геліополисъ. Дружественныя отношенія соединили этихъ боговъ. Но на сѣверѣ и востокѣ Египта съ глубокой древности жили семиты. Съ ними египтяне и ихъ божества пришли во враждебное соприкос-

новеніе. Повидимому сначала побѣждали семиты. Ихъ богъ Сеть поразилъ Озириса. Но затѣмъ восторжествовали египтяне. Борьба прошла черезъ нѣсколько фазисовъ. Иногда Сеть и Горъ почитались совмѣстно (на памятникахъ четвертой династіи), иногда почитаніе Сета какъ бы усиливалось (при гиксахъ, иногда и въ послѣдствіи фараоны получали свое имя отъ этого бога—Сета), но иногда его имя оказывается стертымъ и вытравленнымъ на монументахъ. Либлейнъ полагаетъ, что египетскій Сеть есть Сеть или Сивъ евреевъ. Сеть тождественно съ Sed (по Гезенію), съ арабскимъ Said, Sid, и испанскимъ Sid. Все эти слова обозначаютъ господина. Либлейнъ пытается найти въ библіи указанія на почитаніе такого бога въ глубокой древности. Во Второзакон. XXX, 11 говорится о евреяхъ, что они „приносили жертвы бѣсамъ (Sedim), а не Богу“. Въ псалмѣ CV, 37 еще говорится о нихъ: „приносили сыновеи своихъ и дочери своихъ въ жертву бѣсамъ“ (Sedim). Sed или Seth, какъ имя бога быковъ, встрѣчается на одной аккадискій надписи (по Ленорману и Шрадеру). По Лейеру (въ Real-Encyclop. von Herzog) Seth былъ героемъ легендарной еврейской поэзіи, ему приписывается изобрѣтеніе еврейскаго алфавита и изобрѣтеніе названій звѣздъ. Его сестра Азура была его женою. Такъ въ сынъ Адама Либлейнъ хочетъ найти бога египтянъ. Это своеобразное историческое истолкованіе религіозныхъ фактовъ находитъ себѣ мало сторонниковъ. Историческая схема Либлейна во всемъ объемѣ (онъ пытается объять всю фазу религіознаго развитія въ Египтѣ) несомнѣнно несостоятельна. Онъ совсѣмъ не могъ справиться съ животнымъ культомъ и вздумалъ разсматривать его, какъ позднѣйшее явленіе, но этотъ культъ существовалъ въ Египтѣ съ самой глубокой древности. Затѣмъ никакъ нельзя принять связи устанавливаемой Либлейномъ между египетскимъ Сетомъ и еврейскимъ Сивомъ. Онъ крайне произвольно обращаетъ въ свою пользу библейскіе тексты. И въ цитируемыхъ имъ главѣ Второзаконія и псалмѣ поклоненіе Sedim обличается, какъ увлеченіе чужими, языческими куклами, но онъ не приводитъ этихъ опровергающихъ его предложеній текстовъ. Образъ Сива въ еврейской легендѣ по Лейеру сближается скорѣе съ египетскимъ Тотомъ, чѣмъ съ Сетомъ. Нельзя сближать Сета и съ простыми бѣсами—Sedim, онъ—

великій богъ. Можетъ быть въ догадкѣ Либлейна справедлива мысль, что Сеть—божество не туземно-египетскаго происхожденія. Сеть въ египетской религіи разсматривался не какъ демонъ, не какъ просто представитель злой силы, въ немъ видѣли врага Озириса и врага умершихъ, которымъ покровительствуетъ Озирисъ Сеть считался олицетвореніемъ силы, поэтому ему постоянно усвоили названіе „великій силой“, онъ былъ богомъ войны и считался покровителемъ воинственныхъ народовъ Азіи. Нѣкоторые воинственные фараоны принимали его имя, таковы изъ XIX династіи Сети I (полное имя—Менма Ра Сети Мер-ен-Шта), Сети II (Усерхепера Сети Мер-ен-Шта) и изъ XX династіи Сетнахтъ (—Сеть могучій). Но передъ смертью эти фараоны благоразумно смѣняли имя Сета на имя Озириса. Сеть не былъ представителемъ мрака, вмѣстѣ съ Ра онъ совершалъ путешествіе по небу и поражалъ враговъ Ра. То обстоятельство, что, начиная съ саисской эпохи, Сеть все болѣе и болѣе отодвигается въ область мрака, приобретаетъ атрибуты бога зла и наконецъ является олицетвореніемъ діавола, кажется, нужно объяснять не тѣмъ, что онъ былъ богомъ враждебныхъ и чужихъ народовъ, а тѣмъ, что въ эту пору сталъ очень возвышаться культъ Озириса, а Сеть считался его непримиримымъ и злымъ врагомъ. Врагу благого и почитаемаго бога и стали приписывать одно за другимъ злыя качества, и такъ образъ Сета въ концѣ концовъ сталъ образомъ чистаго зла. — Нѣкоторые хотя и (отчасти къ этому склоняются и Тиле) корень египетской религіи видѣтъ въ фетишизмъ. Полагаютъ, что древніе египтяне смотрѣли на животныхъ, какъ на фетиши, и что въ некультурныхъ классахъ этотъ взглядъ сохранился до послѣдняго времени. Фетишизмъ—религія дикихъ народовъ Африки, и самый этотъ терминъ въ первый разъ былъ приложенъ къ нимъ де Бросси. Эта теорія связываетъ родственною связью египтянъ съ некультурными народами Африки. Что некультурная Африка вліяла на вѣрованія египтянъ, все равно какъ суевѣрія инородцевъ прокрадываются въ вѣрованія живущихъ среди нихъ русскихъ, это несомнѣнно. Подобнаго происхожденія, полагаютъ, былъ богъ Бесъ. Изъ Сомали египтянамъ доставляли принадлежности парфюмеріи. Бесъ, оказывается, имѣлъ къ нимъ близкое отношеніе, и его безобразную фигуру часто встрѣчаютъ на туалетныхъ

принадлежностяхъ. Весьма вѣроятно, что онъ пришелъ въ Египетъ изъ Сомали вмѣстѣ съ ладаномъ. Но во всякомъ случаѣ некультурная раса не могла дать культурной фетишестической религіи. Какъ ни были развиты культы животныхъ въ Египтѣ, онъ однако въ богословской системѣ имѣлъ подчиненное, второстепенное значеніе. Никто до сихъ поръ не могъ связать логическою и генеалогическою связью культы животныхъ и теологію въ Египтѣ. Излагаемый нами взглядъ пытается вывести вторую изъ первой, нѣкоторые (отчасти и Либлейнъ) выводятъ первый изъ второй. Но это не логическіе и фактическіе выводы, а немотивированныя догадки. Гоммель въ животномъ культѣ видитъ символику и, какъ всю египетскую культуру, хочетъ вывести ее изъ Вавилона. Быкъ, по его взгляду, прежде всего чувственный образъ Мардука, затѣмъ Ра-Озириса. Баранъ—чувственный образъ бога. Ба, какъ и Хиума. Орелъ, тоже самое ястребъ, есть чувственный образъ Ниндаръ и вмѣстѣ младшаго Гора. Корова чувственный образъ Истаръ и вмѣстѣ Изиды. Шакалъ чувственный образъ Нергаль и различныхъ боговъ родственныхъ Сету. Но дѣло въ томъ, что животная символика боговъ легко объясняется и безъ теоріи заимствованія. Въ Индіи тоже нѣкоторые боги изображались въ образѣ животныхъ (наприм. Ганеса съ головою слона). И Египетъ независимо отъ Ассири-Вавилоніи могъ придти къ такой символикѣ. Независимость въ данномъ случаѣ подтверждается тѣмъ, что образы несходны. Скорѣе можно допустить, что для этой символики египтяне и ассирияне удержали основныя воззрѣнія отъ общаго пранарода, но потомъ разработали эту символику совершенно самостоятельно и независимо одни отъ другихъ. Во всякомъ случаѣ въ ассири-вавилонской религіи, если и была животная символика сходная нѣсколько съ египетскою, то безусловно не было культа животныхъ.

Нескоро египетская религія найдетъ для себя правдоподобное научное истолкованіе. Можетъ быть причина этого та, что она слагалась подъ разнообразными и противоположными вліяніями. Никакая религія не представляетъ собою развитія одного принципа, но обыкновенно онъ представляютъ развитіе началъ, изъ каковыхъ всѣхъ можетъ исходить одинъ человекъ. Единство и множественность въ рели-

гіозныхъ представленіяхъ, когда: то говорится о богѣ, какъ единомъ и единственномъ, то представляется существованіе сонма боговъ и легионовъ духовъ, то высказываются благородныя правила возвышенной морали, то предлагается легчайшіе и грубѣйшіе способы для умилостивленія божества, все это понятно, потому, что все это объясняется ограниченностью и противорѣчивостью свойствъ человѣческой природы. Человѣкъ понимаетъ что богу нужно служить добрыми дѣлами и отсюда добрыя правила, но оказывается, что осуществлять эти правила очень трудно, и тогда путемъ самообмана человѣкъ находитъ возможнымъ замѣнить эти правила другимъ, онъ находитъ возможнымъ принести богу вмѣсто добраго поведенія добраго барана, а иногда и прямо трупъ своего врага, который не почитаетъ бога подъ тѣмъ именемъ, подъ которымъ почитаетъ его онъ. Такія противорѣчивыя моральныя требованія, какъ и противорѣчивыя религіозныя представленія понятны. Мысль о единствѣ существующаго, являющаяся однимъ изъ логическихъ принциповъ человѣка, приводила египтянина къ признанію единого „Нутеръ“, склонность за каждымъ физическимъ явленіемъ и особенно за каждою группою явленій предполагать психическую, вообще духовную причину, заставляла создавать божества Нила, плодородной почвы, пустыни; противоположныя свойства физическихъ явленій (то благодѣтельныхъ, то злыхъ) заставляло дробить божества на противоположные классы. Все это понятно. Но въ египетской религіи есть нѣкоторыя стороны и детали, которыя нельзя представить прямо, какъ созданіе указанныхъ свойствъ человѣческаго духа, они являются какъ бы не мотивированными произведеніями фантазіи. Таковы нѣкоторыя божества—можетъ быть иноземнаго происхожденія. Таковъ культъ животныхъ. Справедливо говорятъ нѣкоторые египтологи, что при современномъ состояніи знанія его невозможно объяснить. Допустимъ даже, что кто нибудь выскажетъ относительно него справедливую догадку. Онъ не будетъ имѣть возможности по недостатку данныхъ доказать ея справедливость. Исторія естествознанія знаетъ, какъ въ прошедшемъ высказывались блестящія и гениальныя догадки о причинахъ и связи явленій въ неорганическомъ и органическомъ мірѣ, но эти догадки оставались безъ вниманія и

забывались на столѣтія, потому, что не имѣлось подтверждающихъ ихъ опыта и наблюденія. Такъ теперь обстоитъ дѣло со многими вопросами религіознаго знанія и между прочимъ и съ вопросами о религіи Египта.

Культъ животныхъ имѣлъ нѣсколько формъ почитанія. Почитались виды животныхъ и почитались животныя индивидуумы. По отношенію къ видамъ почитаніе имѣло болѣе отрицательный характеръ: не должно было дѣлать имъ зла. Можетъ быть эти виды разсматривались, какъ специальное созданіе того или другаго бога, особенно любимое этимъ богомъ, которое поэтому не должно обижать чтобы не оскорбить бога. Такъ, крокодилъ могъ поставляться въ зависимость по происхожденію отъ бога Севека, и тотъ, кто занесивалъ у этого бога, считалъ себя обязаннымъ подслужиться и его страшному протееже. Но Діодоръ Сицилійскій передаетъ рассказъ, что будто-бы нѣкогда одинъ древній египетскій царь былъ спасенъ крокодиломъ, который перевезъ его на своей спинѣ черезъ озеро Мерн. Это — нѣчто аналогичное и столь же невѣроятное, какъ дельфинъ Оріона. Однако должно сознаться, что подобнаго рода легенда легко можетъ привести къ мысли о почитаніи извѣстнаго класса животныхъ. Сказаніе о томъ, что капитолійскіе гуси спасли Римъ, имѣло своимъ слѣдствіемъ то, что въ капитоліи почитались священные гуси Юноны. Діодоръ приводитъ еще такое объясненіе культа животныхъ. „Обитатели Египта нѣкогда были часто побѣждаемы сосѣдними народами вслѣдствіе того, что они были несвѣдуши въ военномъ искусствѣ. У нихъ явилась мысль завести себѣ въ сраженіяхъ знаки, по которымъ они могли бы узнавать принадлежность къ тому или другому союзу. Эти знаки суть тѣ животныя, которыхъ они почитаютъ теперь и изображенія которыхъ вожди носили на остріяхъ своихъ шикъ. Какъ эти знаки много содѣйствовали побѣдѣ, они разсматривали ихъ, какъ причину ихъ спасенія. Признательность установила сначала обычай не убивать никакое животное представленное на этихъ изображеніяхъ, и этотъ обычай потомъ становится божественнымъ культомъ“. Нѣкоторые изслѣдователи (Рейнахъ, Пфлейдереръ) видятъ въ египетской религіи тотемизмъ, хотя наоборотъ другіе (Ланге) безусловно отрицаютъ слѣды тотемизма у египтянъ. Тотемъ есть названіе класса животныхъ,

иногда растений, чрезвычайно рѣдко неорганических предметовъ, которые извѣстнымъ племенемъ или классомъ считаются требующими почитанія. Тотемъ это — существо извѣстнаго вида, на попытки вредить которымъ положено табу т. е. запрещеніе. Говорятъ, что часто тотемизмъ, т. е. почитаніе тотемъ связано съ идеею происхожденія почитающаго племени отъ почитаемыхъ тотемъ. Почитаніе змѣи связано съ идеею происхожденія племени отъ змѣи. Леббокъ и Спенсеръ дали болѣе, чѣмъ наивное объясненіе этому сомнительному вѣрованію. Человѣкъ, какой либо воинъ, вождь называется по имени животнаго, его потомки, говорятъ эти мыслители, легко приходятъ къ мысли, что они произошли отъ этого животнаго. Но что легко для Леббока и Спенсера, то вовсе нелегко хотя бы и для дикихъ, но здравомыслящихъ людей. Прежде всего для того, чтобы назвать человѣка именемъ животнаго, нужны мотивы, а потомъ для того, чтобы произвести людей отъ животныхъ, нужна легенда, и нуженъ матеріалъ для образованія этой легенды. На знаменахъ фараоновъ Египта фигурировалъ ястребъ, многія божества Египта изображались съ головою ястреба, но никогда фараоны не вели своей родословной отъ этой хищной птицы.

Трудно объяснить почитаніе классовъ животныхъ. Можетъ быть и то обстоятельство, что извѣстное животное служило символомъ какого либо божества полагало табу на этотъ классъ животныхъ и дѣлало ихъ тотемомъ. Почитаніе отдѣльныхъ особей, думается, объяснить легче. Вотъ какъ выбирали и читили крокодиловъ въ Фивахъ и Шаду. Жрецы, „выбравъ самаго красиваго крокодила, кормили его и приучали ѣсть изъ рукъ, они вдѣвали ему въ уши золотыя и эмалированныя серьги и надѣвали браслеты на переднія лапы“. (Геродотъ II, LXIX). „Нашъ хозяинъ, взявъ съ собою пироги, жареную рыбу и питье приготовленное изъ меду, отправился вмѣстѣ съ нами къ озеру. Животное лежало на берегу; жрецы подошли къ нему, двое изъ нихъ разинули ему пасть, а третій сунулъ въ нее сначала пироги, потомъ жаркое и затѣмъ влилъ питье, послѣ чего крокодилъ погрузился въ воду и вышелъ опять на томъ берегу. Когда вслѣдъ затѣмъ другой иностранецъ явился съ такими же приношеніями, жрецы обошли озеро и, подойдя къ крокодилу, такимъ же путемъ всунули ему яства“ (Страбон. кн. XVII гл. I). Позво-

лительно думать, что такой крокодилъ разсматривался просто на просто, какъ живой идолъ бога. Приобрѣсти такого идола было легче, чѣмъ сдѣлать искусственный, но за то, служить ему было труднѣе, чѣмъ истукану. Сдѣлавъ животное своимъ идоломъ, жрецы представляли тоже, что всегда предполагалось по отношенію къ идоламъ, что божество избранное существо сдѣлаетъ вмѣстѣ съ своею особенной силой, чрезъ него будетъ давать предзнаменования и указанія, и вмѣстѣ это избранное существо будетъ связью утвержденною между богомъ и людьми, средою, чрезъ которую первый будетъ вступать въ общеніе со вторыми и чрезъ которую вторые найдутъ легчайшій и ближайшій доступъ къ первому. Почитаніе боговъ подъ животными формами несомнѣнно стоитъ въ связи съ культомъ животныхъ. Можетъ быть нѣкоторыя особенныя свойства животныхъ—свойства казавшіяся магическими и божественными—побуждали почитать животныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ представлять въ ихъ образѣ боговъ, чтобы указать, что этимъ богамъ въ высочайшей степени присущи силы и свойства этихъ животныхъ. говорить, скарабей почитался потому, что его лапки имѣли 30 суставчиковъ т. е. столькоже, сколько дней имѣетъ мѣсяць. Это сближало скарабея съ божествомъ времени и вмѣстѣ для божества подсказывало форму скарабея. Робертсонъ Смитъ изображеніе боговъ въ видѣ животныхъ выводитъ изъ обычая покрывать статуи боговъ шкурами священныя животныхъ. Такъ статую египскаго бога покрывали шкурою священнаго козла. Сначала такую шкуру набрасывали на себя жрецъ, но потомъ ее стали налагать на божество. Текстъ Геродота позволяетъ допустить, что существовалъ переходный періодъ, когда шкура животного набрасывалась не на жреца, но на изображеніе какого-либо присутствующаго божества. Но эта гипотеза не рѣшаетъ вопроса, потому что вопросъ прежде всего заключается въ томъ—почему то или другое животное или его шкура ассоціировались съ тѣмъ или инымъ божествомъ?

Египетская религія сложнѣе другихъ религій. Она одна заключаетъ въ себѣ то, что содержится во многихъ различныхъ религіяхъ. Отсюда, если бы она была изучена и выяснена, то она могла бы послужить руководительнымъ ключемъ къ пониманію многихъ религіозныхъ формъ въ различ-

ныхъ странахъ и въ различныя времена. Но хотя она изучается уже давно и изучается тщательно, многое въ ней не освѣщено доселѣ. Въ представленіи современныхъ ученыхъ она подобна египетскимъ храмамъ съ ихъ сумрачными святилищами и съ ихъ строго и грубо опредѣленными внѣшними контурами. Нѣкоторыя внѣшнія формы ея изучены тщательно, но ея внутренняя сущность, оживотворявшій ея духъ доселѣ скрываются отъ взоровъ изслѣдователя. Но одна сторона уже давно выяснена и представлена съ полною ясностью въ египетскомъ вѣроученіи. Это—ученіе о загробной судьбѣ человѣка.

5.

Въ явленіяхъ природы въ движеніи солнца, въ фазахъ луны египтяне видѣли символы человѣческой жизни, но солнце заходитъ на западъ для того, чтобы взойти на востокъ, луна постепенно угасаетъ послѣ полнолунія для того, чтобы, исчезнувъ совсѣмъ, родиться и расти вновь. Такъ, египтяне думали и о человѣкѣ. Онъ умираетъ и нисходитъ въ гробъ для того, чтобы возстать. Смерть, это—дверь, черезъ которую онъ входитъ въ новый міръ и начинаетъ новую жизнь въ сторонѣ или въ лонѣ блестящаго свѣтила. Существуетъ въ египетской религіи нѣсколько формъ ученія о безсмертіи. Ихъ нельзя согласить между собою по буквѣ, но въ существѣ они не различаются между собою. На египетскихъ памятникахъ душа человѣческая и даже душа боговъ изображаются иногда въ видѣ ястреба или иной птицы. Часто души изображаются въ видѣ коротенькихъ птицъ съ человѣческими головами. Таковы наприм. изображенія душъ Озириса и Гора, предстоящихъ предъ солнечнымъ дискомъ. Есть подобное изображеніе Сутимозу, который держитъ въ своихъ рукахъ свою душу, только у души нѣтъ рукъ. Иногда на саркофагахъ душа, представленная въ видѣ ястреба съ человѣческой головой, держитъ въ своихъ ястребиныхъ когтяхъ два кольца вѣчности. А надъ душою, какъ эмблема новой жизни ожидающей умершаго, изображается восходящее солнце, остававливаемое въ своемъ теченіи богинями Изидой и Небт-гаты. Круговоротъ движенія солнца, символизированный птицею Венну (греческимъ

фениксомъ), былъ символомъ цикла человѣческой жизни. Таинственная птица должна была сопровождать человѣка въ его странствованіяхъ въ подземномъ мірѣ. Послѣ подземныхъ странствованій умершій воскресалъ, душа должна была войти въ тѣло, чтобы сообщить ему движеніе и жизнь. Когда умершій, говоритъ египетская теологія, окончательно достигалъ лодки солнца, онъ принимался богомъ Ра и начиналъ свѣтитъ заимствованнымъ отъ него свѣтомъ. Таковъ конецъ не всѣхъ, но блаженныхъ душъ по одной изъ версій египетской эсхатологіи.

Общая положенія египетской эсхатологіи утверждаются на своеобразной антропологической теоріи. По египетскому ученію человѣкъ въ своемъ земномъ существованіи состоитъ изъ разума-кгу и тѣла-кгатъ. Разумъ направляетъ человѣка къ Богу, тѣло привязываетъ его къ матеріи, участвуетъ въ ея слабостяхъ и несовершенствахъ. Въ началѣ частица разума, которая потомъ становится достояніемъ человѣка, бываетъ покрыта тонкимъ свѣтомъ, откуда и ея названіе кгу-свѣтящаяся. Въ такомъ видѣ она бываетъ способна пробѣгать міры, дѣйствовать на элементы, управлять ими. Но вступая въ темницу тѣла при зачатіи или рожденіи человѣка, она лишается своего свѣтоноснаго покрова и заключается въ менѣе совершенное вещество, хотя еще божественное. Это вещество есть душа, она принимаетъ въ себя разумъ и покрываетъ его покровомъ ослабляющимъ его блескъ. Но слишкомъ чистая для того, чтобы непосредственно соединиться съ матеріею, душа для передачи своихъ рѣшеній и выполненія своей воли употребляетъ еще низшаго агента, который есть духъ или дыханіе-нифу. Только этотъ дѣятель-нифу, вслѣдствіе своей несовершенной природы, можетъ вступать въ тѣло, не губя его и не причиняя ему ранъ, между тѣмъ какъ непосредственное соприкосновеніе разума или души съ тѣломъ несетъ послѣднему неминуемую гибель. Духъ проникаетъ во все существо тѣла. Душа не прямо заключается въ тѣло, предварительно она облекается особою тонкою и воздухоподобною оболочкою, которая имѣетъ форму и образъ тѣла матеріальнаго, она увеличивается и развивается вмѣстѣ съ ростомъ тѣла; у дитяти оно имѣетъ видъ дитяти, у женщины—видъ женщины, у мужчины—образъ мужчины. Эта оболочка носитъ имя „ка“.

Она представляет собою какъ бы двойника человѣка, такого двойника имѣютъ и боги. Полагаютъ, что это слово означаетъ тѣнѣ или тонкое вещество (тоже, что *Eidolon* грековъ). Совокупность всѣхъ этихъ частей—разумъ и душа съ ихъ оболочками, духъ и тѣло — образуютъ всего человѣка и въ теченіи земной жизни послѣдняго связаны неразрывною связью. Душа, духъ и тѣло общи человѣку и животнымъ, но разума нѣтъ у животныхъ и потому они живутъ слѣпою жизнью. Животныя бываютъ добрыми и злыми по инстинкту или по случаю, а не вслѣдствіе опредѣленныхъ принциповъ, ихъ душа всецѣло погруженная въ матерію, не видитъ ничего надъ нею. Человѣкъ имѣетъ разумъ—кгу, открывающій ему правыя пути и учащій различать доброе отъ злого. Разумъ, входя въ душу человѣка, стремится освободить ее отъ тираніи тѣла и поднять до себя. Но будучи лишень своего свѣтоноснаго покрова, разумъ недостаточно силенъ для того, чтобы обратить въ ничто страсти и грубыя желанія внушаемыя намъ плотью. Тяготѣющее къ землѣ и имѣющее земныя влеченія, тѣло противоборствуетъ разуму, оно возбуждаетъ дурныя инстинкты и страсти. Между разумомъ и тѣломъ завязывается борьба и ведется у различныхъ людей съ различнымъ успѣхомъ и исходомъ, часто разумъ вслѣдствіе того, что душа всецѣло подпадаетъ низменнымъ влеченіямъ плоти, удаляется съ поля битвы, чтобы никогда не возвращаться. Тогда человѣкъ, лишенный божественной нескры, ниспускается до скота. Часто также при терпѣннн и мужествѣ человѣка разумъ торжествуетъ, на мѣсто побѣжденныхъ страстей становятся добродѣтели, которыя постепенно укрѣпляются и увеличиваются: душа, отрѣшившаяся отъ земныхъ связей, направляется къ добру и къ вѣчному свѣту, не смотря на затемняющій ея зрѣніе матеріальный покровъ. При наступленіи смерти духъ проникавшій все тѣло и одушевлявшій его, оставляетъ тѣло и вступаетъ въ душу, тогда кровь свертывается, вены и артеріи пустѣютъ; тѣло, если его оставляютъ предоставленнымъ самому себѣ, быстро разлагается на безформенные элементы. Воспрепятствовать этому можетъ только бальзамированіе. Освободившійся разумъ принимаетъ свою свѣтоносную оболочку и становится демономъ, который также носитъ имя кгу. Душа, такимъ образомъ,

одновременно лишается разума, направлявшаго ее къ добру, и тѣла, увлекавшаго ее въ область зла. Она остается только облеченная своимъ двойникомъ ка. Изображенія душъ боговъ и людей на памятникахъ и относятся къ этому состоянію души. Такова египетская психологія, являющаяся базисомъ богословскаго ученія о конечной судьбѣ человѣка. Въ изложенномъ видѣ она есть продуктъ уже поздней эпохи египетскаго царства, но въ своихъ основаніяхъ она существовала съ глубокой древности, хотя ея положенія и формулировались не въ приведенныхъ терминахъ, а въ образахъ и сравненіяхъ.

Но если египетская антропологія изначала признала двойственность человѣческаго существа и установила, что послѣ смерти тѣла двойника человѣка ожидаетъ жизнь въ новыхъ условіяхъ, то египетская эсхатологія въ различныя эпохи различно представляла эту новую жизнь. Указываютъ три различныя фазы въ египетскомъ ученіи о загробной жизни. Въ древнѣйшее время мѣсто, гдѣ душа могла бы обрѣсти счастливую жизнь, указывали надъ землею, въ областяхъ неба. Какъ добраться до этихъ областей? Не рассчитывая на силу крыльевъ души, благочестивые родственники умершаго ставили въ гробъ лѣстницу, по которой душа могла бы взобраться изъ нижняго въ верхній этажъ міра. Въ однихъ текстахъ говорится, что эта лѣстница устанавливается на западномъ берегу земли, въ другихъ, что умершій самъ долженъ ее поднять и въ третьихъ что она поднимется спеціально для умершаго по молитвамъ его родственниковъ. „Послѣ того какъ царь Тети омылся на этомъ самомъ берегу, гдѣ оmyвается Ра, онъ, молясь, поставилъ лѣстницу, и обитатели великаго жилища (обитатели неба-боги или умершіе) протянули ему руку, чтобы помочь войти“. Эта лѣстница посвящалась Гаторъ, называлась дочерью Аменти (Аменти-область подземнаго міра, иногда богиня), даромъ Тота. Она принадлежала равно Себу, Гору, Сету, Ра, эти боги поднимали ее и поддерживали восходящихъ, своими руками, чтобы человѣкъ безпрепятственно могъ подняться на небо. По оставленіи лѣстницы онъ достигалъ озера алтаря, гдѣ демонъ Ниу давалъ ему свободный пропускъ, потомъ, приобрѣтя благоволеніе быка Ра съ четырьмя рогами, онъ вступалъ въ поле жертвъ, гдѣ и жилъ въ мирѣ, благо-

даря приношеніямъ, которыя его друзья по своему расположенію давали богамъ. Позднѣе хотя лѣстницы и не перестали совсѣмъ ставить въ гроба, однако представленіе о восхожденіи по ней замѣнилось идеею прохождения души умершаго по горнымъ цѣпямъ. Эта новая идея тѣсно связана съ образовавшимися тогда космологическими представленіями египтянъ. Египтяне представляли себѣ міръ въ видѣ огромнаго ящика, дно котораго было образовано нашею землею съ ея континентами, горами и морями. Въмѣсто вертикальныхъ стѣнъ міръ окруженъ горами, которыя поддерживаютъ небесный сводъ-плоскій по мнѣнію однихъ, выпуклый по мнѣнію другихъ. Этотъ сводъ есть наша твердь или наше звѣздное небо. Четыре пилона или четыре столба поддерживаютъ эту кровлю міра и препятствуютъ ей сокрушить землю. Эти столбы находятся въ точкахъ сѣвера, востока, юга и запада. Ящикъ міра не прямоуголенъ, а имѣетъ приблизительно форму продолговатаго эллипсиса. Его большая ось (въ сущности Ниль) идетъ съ юга на сѣверъ, малая съ востока на западъ. Представляя себѣ землю какъ распростершагося Себа, а небо, какъ поднимающуюся надъ нимъ Нуть, египтяне голову Себа предполагали на югѣ, гдѣ были источники Нила и гдѣ находилась резиденція бога творца Хнума. Поэтому египтяне ориентировались, обращаясь къ югу: западный берегъ Нила былъ для нихъ правымъ, восточный-лѣвымъ. Они дѣлили міръ на три области: землю, небо и дуатъ. Земля представлялась плоскою или нѣсколько вогнутою въ центрѣ. На низшей части неба находились звѣзды, угасавшія или становившіяся невидимыми днемъ и свѣтившія ночью, въ высшей части находился міръ подобный нашему, на которомъ жили боги. Дуатъ полагали находящимся и подъ землею и надъ землею, но справедливѣе повидимому мнѣніе Масперо, помѣщающаго его на сѣверѣ. По представленію египтянъ, аналогичному представленіямъ другихъ древнихъ народовъ, солнце въ теченіе двѣнадцати часовъ ночи проходило за горами сѣвера, которыя не пропускали его свѣтъ на землю. Солнце двигалось въ баркѣ по океану облегающему землю. Дуатъ, это-нѣчто въ родѣ водянаго туннеля прорытаго въ горахъ сѣвера. Въ его области жили тѣни умершихъ. Умершіе отправлялись пѣшкомъ или на лодкѣ изъ опредѣленнаго

тракта, гдѣ открывался въ горахъ входъ въ другую землю. По легендѣ Озириса этотъ пунктъ находился къ западу отъ Абидоса на продолженіи ущелья въ ливійской цѣпи и въ которомъ, когда находилось солнце, то оно какъ бы помрачалось. Проходъ отверстія велъ въ территорію отверстія, область перваго часа ночи, и умершіе устремлялись туда толпою изъ всѣхъ областей Египта для того, чтобы выйти изъ нашего, міра. Въ книгѣ мертвыхъ (117 глава) есть изображеніе дороги ведущей къ двери корридоровъ. Тѣни съ палками путешественниковъ въ рукахъ ставятъ свои ноги на поверхность горы и начинаютъ восхождение. Дверь открывается передъ ними не безъ трудности. Только при благодѣтельномъ содѣйствіи многихъ боговъ душа переступаетъ порогъ новаго міра. Не радости сначала ожидаютъ ее здѣсь. Она подвергается здѣсь страданьямъ, голоду, несчастнымъ случайностямъ, смерти, какъ и живой человѣкъ, остаткомъ котораго она является. Но живой человѣкъ во многомъ преимуществуетъ передъ нею, онъ можетъ бороться съ опасностями и препобѣждать ихъ, благодаря своей энергій, оружію, и имѣющимся у него съѣстнымъ припасамъ, одеждѣ, талисманамъ. Но умершій ничего не можетъ дѣлать и ничего не имѣетъ самъ по себѣ. Всѣмъ тѣмъ, что у него есть, онъ обязанъ или благочестію своихъ друзей и родственниковъ или своей предусмотрительности, благодаря которой онъ во время жизни приобрѣлъ то достояніе, которое пужно по смерти. Какъ и самъ умершій является въ загробный міръ въ уменьшенномъ и выродившемся видѣ, такъ и этотъ міръ менѣе богатъ и менѣе гостепріименъ, чѣмъ земной. „Западъ есть страна глухого сна и мрака-область, гдѣ пребываютъ находящіеся тамъ. Спя въ формѣ мумій, они не просыпаются, чтобы видѣть своихъ братьевъ, они не замѣчаютъ ни своихъ отцевъ, ни матерей. Ихъ сердце забываетъ о ихъ женахъ и ихъ дѣтяхъ. Вода живая, которая есть у земли для находящихся на землѣ, эта вода гнилая со мною, она течетъ къ кому-нибудь на землѣ и она гнилая для меня, вода, которая около меня“ Аменти была областью густого мрака. Солнце, проходившее по этой области въ теченіе двѣнадцати часовъ, было зеленоватымъ безъ пыла и блеска. Вода тамъ была теплая или гнилая и зловонная, атмосфера, плотная, давящая и бурная. Всюду тамъ были

ядовитыя змѣи, вредныя животныя, геніи съ ужасными формами, питавшіеся сердцемъ и кровью умершихъ и ихъ душами и тѣнями. Нѣсколько благодѣтельныхъ оазисовъ находилось въ этой ужасной области—поле жертвъ, сады Іалю. Задача умершихъ была попасть въ эти блаженныя области. Но чѣмъ обусловливалось вступленіе въ нихъ? Масперо утверждаетъ, что по древней египетской эсхатологіи туда могли попадать только цари, богатые или знатные не потому, чтобы природа ихъ признавалась отличною отъ бѣдныхъ и рабовъ, но потому что у послѣднихъ обыкновенно не было средствъ, чтобы паучить (сакру) и снабдить нужными средствами свою душу въ такихъ полнотѣ и обилии, въ какихъ это могли сдѣлать люди изъ хорошихъ домовъ. Прежде чѣмъ достигнуть садовъ Іалю, нужно пройти темныя гроты и мѣста пустынные дикими животными, совершить переходы черезъ потоки съ кипящей водою или озера загроможденныя сѣтями, пройти аллен и замки, двери которыхъ охранялись ужасными демонами. Только талисманы могли спасти душу отъ яда змѣи, отъ зубовъ крокодиловъ, отъ петель сѣтей, отъ жадныхъ рукъ злыхъ геніевъ. Душа должна была владѣть большими запасами и чарами. Бѣдные рѣдко могли знать всѣ необходимыя формулы, а блюда и возліянія, которыя предлагали за нихъ на землѣ, были слишкомъ недостаточны. По этому ихъ души уязвлялись змѣями, пожирались крокодилами, разрывались геніями или страдали отъ голода и жажды, питались человѣческими экскриментами и уриной—единственная пища, которую онѣ могли находить въ своемъ странствованіи—и всѣми бѣдствіями доводились до полнаго уничтоженія. Ихъ постигала вторая смерть, и они обращались въ ничто. Богатые или знатные, достигшіе полей жертвъ или садовъ Іалю, избавлялись отъ опасности несчастій и смерти. Они вступали въ рай. Это былъ небесный Египетъ, представлявшій чувственную идеализацію земнаго. Плодородіе его было неистощимо. Пшеница имѣла тамъ семь футовъ вышины, изъ нихъ два приходилось на колосъ. Каналы непрестанно наполняшіеся водою поддерживали плодородіе и свѣжесть. Умершіе проводили тамъ время за ѣдою, питьемъ и въ игрѣ съ дамами. Они должны были только обрабатывать поля и снимать жатвы, но отъ этого они могли избавляться, представляя вмѣсто себя

замѣстителей. Эти замѣстители — маленькія фигуры изъ терракоты или изъ камня, которыя клались въ гробы умершихъ. Озирисъ, владыка всего, царствовалъ надъ ними и для того, чтобы принимать ихъ въ свою свиту, требовалъ только отъ нихъ знанія заклинательныхъ гимновъ и обильныхъ жертвенныхъ приношеній. Какъ ни грубо это представленіе рая, трудно однако согласиться съ Масперо, что по мысли египтянина въ него вели только магія (заклинанія) побѣждающая демоновъ и взятки (жертвы), умилостивляющія боговъ. Нравственныя сентенціи древняго Египта, о которыхъ у насъ будетъ рѣчь далѣе, убѣждаютъ насъ, что въ ту пору въ умѣ египтянъ уже ясно была просознана идея нравственнаго мздовоздаянія, только съ нею слишкомъ сплелась вѣра въ силу правильно произнесенныхъ заклинаній и правильно принесенныхъ жертвъ, вѣра въ магическую силу культовыхъ словъ и дѣйствій. Однако нѣкоторыя аналогіи въ другихъ религіяхъ позволяютъ думать, что этотъ магическій элементъ могъ въ нѣкоторой мѣрѣ быть соглашаемъ съ моральнымъ. Во 1) самыя магическія знанія, т. е. пріобрѣтеніе таинственныхъ силъ могли быть подаваемы за добродѣтель, во 2) жертвы могли оцѣниваться не сами по себѣ по рыночному курсу опредѣлявшему стоимость ихъ матеріала, а по отношенію къ благосостоянію приносившаго жертву. Буддійская легенда о маленькой лампадѣ вдовы, прогорѣвшей всю ночь у гробницы Будды, между тѣмъ какъ масло въ громадныхъ лампадахъ богачей выгорѣло въ короткое время, общечеловѣчна. Безъ сомнѣнія было много людей въ Египтѣ, которые путали обрядово-магическую и моральную стороны религіи, но геній народа, какъ это слышится въ нравственныхъ сентенціяхъ его лучшихъ представителей, уже понималъ силу нравственной правды.

Позднѣе идея нравственнаго мздовоздаянія олицетворилась въ представленіи суда Озириса надъ умершими. Душа является предъ трибуналомъ, гдѣ Озирисъ-Контъ-Аментъ за сѣдаетъ вмѣстѣ съ 42 судьями, составляющими подземный судъ. Маатъ-богиня истины вводитъ умершаго предъ Озириса. Совѣсть умершаго или, какъ говорили египтяне, его сердце говоритъ за или противъ него. Свидѣтельства его жизни или обвиняютъ или оправдываютъ его. Его сердце кладутъ на одну изъ чашекъ вѣсовъ истины, которыми

управляютъ Горъ и Анубисъ, на другой чашкѣ помѣщается изображеніе справедливости, представляющее противовѣст. Тотъ отмѣчаетъ на доскѣ результатъ этой психостазіи или взвѣшиванія души. При судѣ присутствуетъ звѣрь въ видѣ гиппопотама, четыре погребальныхъ генія. Умершій долженъ назвать имена всѣхъ 42 судей и произносить родъ очистительной исповѣди. Сообразно съ тѣмъ легкими или тяжелыми будутъ найдены дѣянія души, подземный судъ изрекаетъ свой приговоръ. Исполнителемъ этого приговора является разумъ. Онъ входитъ въ душу отягощенную непротительными преступленіями, входитъ вооруженный божественнымъ огнемъ, напоминаетъ душѣ о своихъ наставленіяхъ и совѣтахъ, которыми она пренебрегала, о своихъ мольбахъ, которыя были для нея предметомъ насмѣшекъ, бичуетъ ея грѣхи и подвергаетъ ее бурямъ и вихрямъ враждебныхъ элементовъ. Находящаяся между небомъ и землею, не могущая избавиться отъ тяготѣющихъ надъ нею проклятій, осужденная душа ищетъ человѣческаго тѣла для того, чтобы жить въ немъ, а пока она его не найдетъ, она подвергается пыткамъ, претерпѣваетъ болѣзни, терпитъ убіенія и сумасшествіе, становится добычею чудовища въ образѣ гиппопотама-самки, которое присутствуетъ при психостазіи (великое пожирающее). Душа обезглавливается Горомъ или Сетомъ на неммѣ, т. е. на подземномъ эшафотѣ. Достигнувъ по истеченіи вѣковъ окончанія своихъ страданій, она подвергается второй смерти и погружается въ небытіе. Высшее и окончательное наказаніе для злыхъ по ученію египтянъ есть ихъ полное уничтоженіе. Что касается до души оправданной, то она очищенная отъ грѣховъ огнемъ, охраняемымъ четырьмя геніями съ лицами обезьянъ, вступаетъ въ плирому или блаженство, становится товарищемъ, Озириса Унъ-Нюфри, становится добрымъ существомъ въ превосходной степени, питается самыми тонкими кушаньями. Но и оправданный человѣкъ, будучи необходимо грѣшникомъ, не можетъ достигнуть совершеннаго блаженства, не пройдя ряда испытаній. Его душа, сходя въ Кер-ти-Нутри (подземную область Озириса), должна пройти черезъ пятнадцать заставъ охраняемыхъ геніями вооруженными мечами, она можетъ ихъ пройти, только показывая свои добрыя дѣла и обнаруживая знаніе вещей божественныхъ. Она

проходить неизвѣстныя пространства, поддерживаемая разумомъ и сопутствуемая твердою надеждою на конечное счастье. Когда ея знаніе возрастетъ, ея силы умножатся, она станетъ способною принимать формы, какія ей угодно. Но зло будетъ являться ей подъ тысячью различнѣйшихъ образовъ и будетъ стараться задержать ее своими угрозами и испытаніями. Душѣ придется вести ужасныя битвы съ чудовищами, съ фантастическими животными и побѣждать ихъ только при помощи сакраментальныхъ формулъ (изложенныхъ въ 11 главахъ книги мертвыхъ). Однимъ изъ такихъ чудовищъ, стремящихся погубить душу, является истинный демонъ, великій змѣй Рефруръ или Апапъ. Другимъ средствомъ, при помощи котораго тѣнь умершаго боролась съ дьявольскими призраками, является способность ее ассимилировать свои члены съ таковыми же членами различныхъ боговъ и такимъ образомъ обожествлять въ нѣкоторой мѣрѣ свою субстанцію. Солнце, олицетворяемое въ Озирисѣ, одушевляя и поддерживая жизнь, является вмѣстѣ богомъ воздаятелемъ и спасителемъ. Озирисъ сопровождаетъ челоувѣка въ его загробномъ странствованіи, принимая усопшаго при его нисхожденіи въ Кер-ти-нутри и ведя его къ вѣчному свѣту. Первый воскресшій изъ мертвыхъ Озирисъ въ свою очередь воскрешаетъ умершихъ, помогая имъ предварительно побѣдить всѣ препятствія. Въ концѣ концовъ умершій представляется вполне соединившимся съ Озирисомъ и начинаетъ называться Озирисъ такой то. Относительно значенія и смысла этой формулы существуютъ различныя предположенія. Ланге настаиваетъ, что этими словами означаетъ только то, что умершій сталъ достоинъ такого же безсмертія, какъ и Озирисъ. Но трудно согласиться съ этимъ утвержденіемъ Ланге. Если бы каждый оправданный умершій становился тѣмъ же, чѣмъ и Озирисъ, то Озирисъ въ глазахъ египтянъ долженъ былъ бы стать ничѣмъ. На самомъ дѣлѣ культъ Озириса стоялъ наиболѣе высоко, когда исполвѣдывалась приведенная формула. Уже эта высота почитанія Озириса исключала возможность, чтобы когонибудь изъ обыкновенныхъ смертныхъ рѣшались ставить съ нимъ рядомъ. Да и въ самыхъ подробностяхъ ученія о загробномъ существованіи души есть указаніе, какъ вѣрнѣе представлять дѣло. Оправданная душа пріобрѣтаетъ способность ото-

жествлять свои члены съ такими же членами различныхъ боговъ. Отсюда позволительно думать, что и при наименованіи усопшаго Озирисомъ дѣло идетъ объ отождествленіи. Такое представленіе, не унижая бога, возвышаетъ человѣка. Усопшій сливаетъ свою личность съ личностью Озириса, пантеистически погружается въ его божественную сущность. Въ другихъ вариантахъ блаженство оправданной души представляется заключающимся въ томъ, что она вступаетъ въ лодку Ра. Всѣ ея загробныя странствованія и мученія—это ея переходъ отъ мѣста смерти къ священной лодкѣ солнечнаго бога. Тамъ на этой лодкѣ душа соединяется съ Ра, и здѣсь опять мы встрѣчаемся съ пантеистической идеей слиянія.

Рядомъ съ надеждою на блаженное существованіе въ лонѣ Озириса или Ра въ Египтѣ существовало и пессимистическое представленіе удѣла мертвецовъ. Документы, подтверждающіе это, довольно поздняго происхожденія (эпохи птолемеевъ), но они чисто египетскаго характера и, принимая во вниманіе аналогіи въ другихъ религіяхъ, гдѣ пессимистическія тѣни всегда стоятъ рядомъ съ самыми свѣтлыми упованіями (даже у Гомера и Гезіода), позволительно думать, что они представляютъ собою не наносное и случайное явленіе, а отзвукъ идущій отъ временъ прошедшихъ разочарованнаго настроенія нѣкотораго элемента египетскаго общества. „О мой другъ, мой братъ, мой мужъ, говоритъ погребальная надпись на памятникѣ отъ имени покоящейся подъ нимъ женщины, ѣшь, пей, опоражнивай кубокъ жизни, люби и празднуй праздники. Пусть всегда будутъ исполняться твои желанія, и скорбь никогда не войдетъ въ твое сердце, пока ты на землѣ. Ибо Аментъ есть страна глухого сна и мрака, жилище скорби для пребывающихъ въ немъ. Они спятъ въ своихъ безтѣлесныхъ формахъ, они не пробуждаются, чтобы видѣть своихъ братьевъ, они не знаютъ болѣе ни отца, ни матери, ихъ сердце не стремится ни къ женѣ, ни къ дѣтямъ. Каждый насыщается водою жизни, лишь я одна испытываю жажду. Вода полезна для живущихъ на землѣ: гдѣ нахожусь я, тамъ самая вода возбуждаетъ жажду. Съ тѣхъ поръ какъ я вступила въ эту область, я не знаю, гдѣ я нахожусь. Я плачу о водѣ, которая падаетъ оттуда сверху. Я скорблю о вѣтрѣ, который дуетъ на берегу рѣки и кото-

рый освѣжилъ бы мое скорбное сердце. Здѣсь живетъ богъ, имя которому совершенная смерть. Онъ призываетъ къ себѣ каждого. Всѣ кажутся равными передъ нимъ. Всякій боится обращаться къ нему съ мольбою, такъ какъ онъ никого не слушаетъ; никто не хвалитъ его, такъ какъ онъ вовсе не является благодѣтельнымъ для тѣхъ, кто его почитаетъ. Онъ не взираетъ ни на какия жертвы, которыя ему предлагаютъ. Эти печальныя рѣчи можетъ быть высказывались не многими, но ихъ необходимо отмѣтить, какъ выраженіе пессимистическаго настроенія, которое, значить, существовало и въ Египтѣ.

Египтяне очень заботились о сохраненіи своихъ труповъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ находимыя безчисленныя муміи (мумія слово арабское значитъ—асфальтъ, оно соотвѣтствуетъ древне-египетскому слову—саху). Муміи, это—бальзамированныя трупы. Даже бѣдняки бальзамировали своихъ покойниковъ, употребляя щелочныя и соляныя вещества и низшій сортъ асфальта, который дѣлалъ муміи черными и безобразными. Эти муміи непрочно и разлагаются при малѣйшемъ прикосновеніи сырости. Но и онѣ свидѣлствуютъ о томъ, что египтяне считали обязанностью защищать трупы своихъ близкихъ отъ разрушенія. Какими побужденіями они руководствовались? Повидимому подсказывается мысль, что они какъ бы вѣрили въ будущее воскресеніе тѣлъ и ставили въ зависимость это воскресеніе отъ сохраненія тѣла. Но должно признаться, что въ египетскомъ вѣроученіи отсутствуетъ идея воскресенія тѣлъ. Приходится обращаться къ другимъ предположеніямъ. У египтянъ было ученіе—не согласованное съ общеизвѣстною ихъ богословскою эсхатологіею, но по всей вѣроятности идущее съ глубокой древности, о посмертной жизни души на этой землѣ вблизи тѣла. Это вѣрованіе очень распространено у людей стоящихъ на низшей ступени культуры. Они представляли себѣ, что двойникъ усопшаго живетъ около своего тѣла, можетъ возвращаться въ него и нуждается въ томъ, въ чемъ нуждается и тѣло. Благополучіе этого двойника легко связать съ мыслью о благополучіи его тѣла. Сухой сохраняющій климатъ древняго Египта самъ содѣйствовалъ сохраненію труповъ, а затѣмъ у египтянъ легко могла явиться мысль объ искусственномъ содѣйствіи этому сохра-

ненію. Бальзамированіе несомнѣнно восходитъ къ первымъ временамъ Египта. Самая древняя мумія принадлежитъ Сокаремсафу, сыну Пепи I, царя VI династіи (найдена въ 1881 г. хранится въ музеѣ Гизѣ), но имѣются и болѣе древнія муміи, только онѣ разсыпаются при первомъ прикосновеніи воздуха. Заботясь о двойникѣ, египтяне клали въ гробовое помѣщеніе яства и питья, нужные предметы, изображали ихъ на стѣнахъ гробницъ и повидимому впослѣдствіи пришли къ мысли, что символическія изображенія совершенно могутъ замѣнять для покойниковъ дѣйствительные предметы. Это примитивное представленіе посмертной жизни было вытѣснено болѣе сложнымъ и осмысленнымъ представленіемъ о жизни души въ иномъ мірѣ, но мысль о посмертной связи души съ тѣломъ и о зависимости благополучія первой отъ сохраненія втораго осталась. Однако на первомъ планѣ у египтянъ всегда была мысль, что загробное благополучіе зависитъ отъ земнаго поведенія. Объ этомъ говорятъ тексты пирамидъ, въ этомъ наставляеть книга мертвыхъ. Вообще отмѣчаютъ, что мораль пирамидныхъ текстовъ грубѣе и дышитъ болѣею узкостію, чѣмъ мораль книги мертвыхъ. Кромѣ этихъ источниковъ для сужденія о морали египтянъ есть у нихъ еще свѣтскія произведенія. Таковы напримѣръ изреченія Птаготеча, Хонсуготепа (полагають: Хонсуготепа къ Ани, но Амелицо читаетъ наоборотъ: Ани къ Хонсуготепу), наставленія Аменготепа 1-го, наставленія Дауфа. И здѣсь мораль древней эпохи оказывается ниже нравственныхъ правилъ послѣдующаго времени. Этика Птаготеча утилитарна и груба, отъ тенденцій Хонсуготепа, хотя еще и вѣетъ утилитаризмомъ, но его рассужденія о богопочитаніи и семьѣ отличаются нравственно возвышеннымъ характеромъ. Практически грубость и страшныя преступленія не исчезали изъ Египта за все время его существованія, но теоретически несомнѣнно, египтяне чувствовали правду добра съ древнѣйшаго времени. Надпись на надгробномъ памятникѣ одного сановника пятой династіи говоритъ отъ лица этого сановника слѣдующее. „Познавши вещи, я вышелъ изъ этого мѣста (т. е. изъ міра), гдѣ я говорилъ истину и творилъ справедливость. Будьте добры ко мнѣ, вы идущіе въ слѣдъ за мною, засвидѣтельствуйте о вашемъ предкѣ: онъ дѣлалъ добро, о еслибы и мы могли поступать также. Пусть гово-

рять это идущіе встѣдъ за мною. Никогда я не возбуждалъ скорби, никогда не убивалъ. О владыка неба, могущественный владыка вселенной, я въ мирѣ исполнялъ мои обязанности, любя своего отца и свою мать, служа всякому, я былъ радостью своихъ братьевъ, любовью своихъ слугъ, въ которыхъ я никогда не возбуждалъ сожалѣній“. Эпитафія одного областного владѣтеля двѣнадцатой династіи говоритъ слѣдующее: „Я служилъ своему господину, когда онъ ходилъ въ чужія земли побивать враговъ. Я ходилъ въ качествѣ сына начальника, камергера, генерала отъ инфантеріи и правителя нома Миги. Я ходилъ противъ кушей и доходилъ до конца земли. Я препровождалъ добычу моего господина, и хвала моя дошла до неба. Когда его величество, разбивъ враговъ презрѣнныхъ кушей, вернулся въ мирѣ, я пришелъ служить ему. Ни одинъ изъ моихъ солдатъ не бѣжалъ отъ меня, когда я сопровождалъ продукты золотыхъ пріисковъ его святости Узиртизена I всегда и вѣчно живущаго. Я отправился тогда съ наслѣднымъ принцемъ, сыномъ царя, Амоки, жизнь, здоровье, сила, я ходилъ съ четырьмястами отборныхъ воиновъ, я вернулся въ мирѣ и ни одинъ изъ моихъ воиновъ не бѣжалъ отъ меня, когда я сопровождалъ продукты золотыхъ пріисковъ. Все это доставило мнѣ похвалу царей... Я былъ добрымъ, привѣтливымъ повелителемъ, былъ правителемъ любящимъ свою страну... Я работалъ и весь номъ былъ преисполненъ дѣятельности. Я никогда не обидѣлъ ребенка, не обращался дурно съ вдовой, никогда не оттолкнулъ землепашца, не препятствовалъ пастуху. Не было начальника хотя бы надъ пятью человѣками, отъ котораго бы я требовалъ людей для своихъ работъ. Во все мое время не было голода, не было голоднаго въ моей области даже въ годы безкормицы, потому, что я вспахалъ всю землю нома Миги до самыхъ сѣверныхъ и южныхъ его границъ и такъ распредѣлилъ областныя работы между жителями, что никто не голодалъ. Я одинаково надѣлялъ воду и замужнюю. Давая, я не предпочиталъ большихъ малымъ. Когда вода въ Нилѣ была высока и владѣльцы полей и другихъ предметовъ оживлялись надеждой, я не прегреждалъ пути водѣ въ каналахъ орошающихъ поля“. На памятникѣ намѣстника другого округа (Фивскаго) тойже эпохи излагается такая рѣчь. „Я былъ палкою

опоры для старца, питаніемъ для дитяти, защитникомъ для слабыхъ, домъ мой тепелъ для всякаго, чувствовавшаго холодъ въ Фивадѣ, я былъ хлѣбомъ для угнетенныхъ защитой отъ варваровъ“. Другое важное лицо именно принцъ Битефъ рассказываетъ о себѣ на своемъ памятникѣ, что онъ лишалъ силы руки надменныхъ, употреблялъ силу противъ грубой силы, но что онъ былъ человѣкомъ единственнымъ, мудрымъ, обогащеннымъ знаніями, здравымъ духомъ, умѣющимъ отличать мудраго отъ глупаго, отличающимъ искусныхъ и порицающимъ невѣждъ. Онъ былъ отцемъ для несчастнаго, матерью для того, у кого не было матери, страхомъ для жестокаго, покровителемъ лишеннаго наслѣдства, защитникомъ того, кто былъ угнетаемъ болѣе сильнымъ, чѣмъ онъ самъ, онъ былъ вмѣсто супруга для вдовы, убѣжищемъ для сироты“. Въ XXX главѣ книги мертвыхъ сердце человѣка противопоставляется человѣку, оно имѣетъ свою собственную волю, оно можетъ быть довольно и недовольно человѣкомъ и если оно довольно, оно не свидѣтельствуетъ противъ человѣка на судѣ Озириса. Но сердце это—совѣсть, и XXX глава книги мертвыхъ представляетъ загробную участь человѣка стоящую въ зависимости отъ оправданія его собственною совѣстью. Въ CXXV главѣ книги мертвыхъ излагаются оправданія души предъ сорока двумя судьями Озирисова суда. „Я не злословилъ, говорить умершій, я не обманывалъ, я не воровалъ, я не кривилъ справедливостью, не предпринималъ подлоговъ и обмановъ по отношенію къ людямъ, я не мучилъ вдовы, не налагалъ на управляющаго работами болѣе работы, чѣмъ онъ могъ понести; я не производилъ волненій, никого не заставлялъ плакать, никого не морилъ голодомъ, не былъ лѣнивымъ и нерадивымъ, не ушвался, не отдавалъ несправедливыхъ приказаній, не имѣлъ нескромной страсти, не былъ болтливымъ, никого не билъ и никого не убивалъ, не приказывалъ убить предательскимъ образомъ, никому не внушалъ страха, никого не поносилъ, не возводилъ ложныхъ обвиненій, не отнималъ молока изо рта питающагося, не производилъ искусственнаго выкидыша, не унижалъ раба предъ господиномъ, не причинялъ зла рабу, выдвигая надъ нимъ свое превосходство“. Даже и въ наставительныхъ произведеніяхъ свѣтскаго характера на ряду съ правилами житей-

ской мудрости высказывается иногда не мало свѣтлыхъ правилъ, бичуются пороки, рекомендуются добродѣтели. Такъ въ трактатѣ Хонсуготепа излагаются добрыя правила о домашнихъ обязанностяхъ, о религіи, предписывается изученіе древнихъ книгъ, дѣятельность, запрещается пьянство, обжорство, расточительность, роскошь, внушается страхъ къ порокамъ, скромность, порицаются злословіе, болтливость, предписывается великодушіе, забота о добромъ воспитаніи, уваженіе къ старости, мужество, порицается мотовство, говорится о дружбѣ, о непостоянствѣ вещей, объ общественныхъ отношеніяхъ. Замѣчательны нравственные правила, излагаемая въ одномъ Луврскомъ папирусь демотического письма прочитаномъ Шэра. Демотическое письмо представляетъ собою упрощеніе іератического, которое въ свою очередь есть упрощеніе іероглифического. Іероглифы, это чрезвычайно сложные знаки для обозначенія звуковъ (напр. изображенія различныхъ птицъ для обозначенія а, у, м.), слоговъ и понятій, іератическое письмо, это—закругленіе и упрощеніе іероглифическихъ знаковъ, демотическое — дальнѣйшая степень упрощенія, введеніе лигатуръ, т. е. слитнаго писанія. Іератическія и демотическія письма явились послѣ іероглифическихъ, но долго они существовали совмѣстно, причемъ іероглифы употреблялись для цѣлей религіозныхъ, для важныхъ документовъ, а въ обыденной жизни существовало демотическое письмо. Вотъ какая мораль преподавалась этимъ обыденнымъ письмомъ. „Не дѣлай своимъ товарищемъ злого человѣка“. „Не дѣйствуй по совѣту глупца и не имѣй дѣла съ безумнымъ“, „не слушай его словъ“. „Избѣгай неприятныхъ посѣщеній“. „Не давай дурныхъ примѣровъ“. „Не развращай сердца своего товарища, если оно чисто“. Отцу авторъ говоритъ: „запрещай сыну твоему вступать въ связь съ замужней женщиной“. Особенно онъ рекомендуетъ чувство уваженія и осторожности по отношенію къ слабымъ. „Не обращай дурно съ низшимъ, уважай старшихъ, не обращай дурно съ женщиною, силы которой меньше твоихъ, пусть она найдетъ въ тебѣ своего покровителя, не заставляй страдать ребенка по причинѣ его слабости, помогай ему; не дѣлай развлеченія, забавляясь надъ тѣми, кто зависить отъ тебя“. Въ послѣднемъ правилѣ авторъ говоритъ: „никогда не спасай свою жизнь цѣною жизни другаго“.

Существует много свидѣтельствъ, утверждающихъ въ мысли, что эти добрыя правила хотя записывались и читались, но не исполнялись и что лестныя рекомендаціи, которыя давали себѣ умершіе на надгробныхъ надписяхъ или на судѣ Озириса, далеко не отвѣчали правдѣ. Номархи управляли палкой и скудно платили рабочимъ за работы. „Я видѣлъ кузнеца за работой передъ жерломъ печи, говорить одинъ книжникъ двѣнадцатой династіи своему сыну, его пальцы такъ шереховаты, какъ вещи изъ крокодиловой кожи, и пахнеть отъ него хуже, чѣмъ отъ рыбьей икры. А работающіе надъ металлами..... ночью, когда предполагается, что они свободны, они все еще работаютъ, не смотря на то, что рукамъ ихъ пришлось такъ много сдѣлать въ теченіи дня..... Каменотесъ ищетъ работы надъ различными твердыми камнями. Когда онъ оканчиваетъ ее, его руки утомлены, онъ отдыхаетъ, такъ какъ ему приходится работать, сидя на корточкахъ съ самаго разсвѣта, спина и колѣна его разбиты..... Я тебѣ скажу словами самого каменщика, что болѣзнь подтачиваетъ его, потому что его обдуваетъ вѣтромъ, когда при трудныхъ строительныхъ работахъ онъ высоко привязанъ къ лотообразнымъ капителямъ зданій, чтобы достать ихъ верхушки. Руки его портятся отъ работы, одежда его въ безпорядкѣ, онъ самъ глохнетъ себя; его пальцы, это—его хлѣбъ; онъ моется только разъ въ сутки. Онъ долженъ унижаться, чтобы поправиться..... Когда у него есть хлѣбъ, онъ возвращается домой и бьетъ своихъ дѣтей. Ткачъ работающій дома несчастіе женщины. Его колѣна всегда находятся на высотѣ его сердца. Онъ не дышитъ чистымъ воздухомъ. Если хотя одинъ день онъ не изготovitъ положеннаго количества матеріи—его привяжутъ, какъ лотосъ на болотѣ. Только подкупивъ привратниковъ подачками въ видѣ кусковъ хлѣба, онъ можетъ повидать дневной свѣтъ..... Пальцы красильщика издають зловоніе, какъ тухлая рыба, глаза смыкаются отъ усталости, но рука не перестаетъ работать..... Сапожникъ очень несчастливъ, онъ вѣчно бѣдствуетъ. Здоровье его—здоровье тухлой рыбы. Онъ грызетъ кожу, чтобы утолить голодь. „Я видѣлъ насиліе, я видѣлъ насиліе“, говорить книжникъ. Это описаніе, говоря нашимъ языкомъ, тенденціозно, потому что оно имѣетъ своею задачею доказать превосходство профессіи книжника предъ другими профес-

сіями. Но если краски здѣсь и сгущены намѣренно и сгущены очень сильно, то все таки, какъ ни ослаблять ихъ, получается картина далеко не отвѣчающая тому идилическому порядку вещей, о которыхъ говорятъ надписи. Да и а priori нельзя повѣрять въ такую реализацію нравственной правды болѣе, чѣмъ четыре тысячи лѣтъ тому назадъ. Но необходимо приходится признать фактъ пониманія этой правды и еще нѣчто большее. Изъ приведенныхъ правилъ и разсужденій слѣдуетъ, что египтяне признавали возможнымъ осуществленіе этихъ высокихъ нравственныхъ требованій, а такъ какъ они были не теоретиками, а практиками и самыя нравственныя правила они можетъ быть формулировали по наблюденію надъ дѣйствительностію, то значить въ средѣ ихъ были лица—хотя и немногія и рѣдкія исключенія—приближавшіяся по своей нравственной высотѣ къ ихъ высокимъ требованіямъ. Но при признаніи высокаго характера отдѣльныхъ правилъ египетской морали должно однако отмѣтить, что въ ней отсутствовали нѣкоторыя важныя моральныя начала. Въ морали египтянъ нѣтъ объединяющаго нравственнаго принципа, нѣтъ нравственныхъ обобщеній. Затѣмъ та форма, въ которой умершіи аттестовали самаго себя, заставляетъ подозрѣвать: числилось-ли въ ряду египетскихъ добродѣтелей смиреніе? Наконецъ, оффиціальное признаніе, что магическія дѣйствія и знанія не менѣе необходимы для спасенія, чѣмъ доброе поведеніе, и даже, пожалуй, могутъ съ успѣхомъ восполнить его недостатокъ, значительно, колеблеть смыслъ и силу нравственныхъ требованій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

С. Глаголевъ.
